

Лидия Алексеевна Чарская

В глуши

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Лидия Алексеевна Чарская

В глуши / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 36 с.

ISBN 978-5-458-04145-4

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодьям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в главном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04145-4

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская

В глуши

Глава I.

Разбитое счастье.

Серое, темное осеннее утро... Серый ползучий из дали туман... Небольшой, красивый особняк, который снимали Рыдловы-Заречные, весь утонул в его мутном мираже. Мрак на улице и мрак в доме. В больших, роскошных, теперь беспорядочно заставленных мебелью и вещами комнатах тот же мрак и та же неприятность. Открытые настежь двери, беспорядочно разбросанные вещи, сдвинутые на середину диваны, стулья и столы, грубые голоса таскавших вниз вещи артельщиков, — все это слилось, спуталось, смешалось в один сплошной невыразимый хаос.

Только в небольшой уютной розовой комнатке, где хотя и царит тот же беспорядок, выразившийся в снятых с полу коврах, в пустой, лишенной своих обычных bibelots этажерке, в завешанном полотном и рогожей трюмо, все же чувствуется какая-то жилия уютность.

Бледная, худенькая с густой пепельной косой, небрежно закрученной в узел на затылке, сидит на розовой козетке молодая девушка.

У нее тонкое, красивое, немного надменное личико, опущенное мелкими завитками кудрей, говорящее о породе, гордо вздернутая верхняя губа капризно изогнутого маленького ротика и большие, серые глаза, обычно спокойные и самодовольные, теперь исполненные самого безысходного горя.

На девушке черное суконное платье с траурными нашивками, делающее все ее изящное, хрупкое существо еще более хрупким и воздушным.

Эта девушка — Вавочка Рыдлова-Заречная. У нее большое, непоправимое горе — у Вавочки. Полтора месяца тому назад она схоронила своего отца, обожавшего свою единственную дочурку.

Павел Дмитриевич Рыдлов-Заречный был еще далеко не старый человек. Он вел большие дела одного крупного частного предприятия и имел огромный заработок. На этот заработок Павел Дмитриевич всячески баловал и лелеял дочь.

Вавочка росла, как маленькая принцесса в волшебной сказке. С детства ее окружал целый штат нянюшек, мамушек, прислуги. Ее наряжали, как куколку. Отец и многочисленные английские «мисс»,

француженки и немки гувернантки предупреждали каждое желание девочки. У нее были с самого раннего детства и своя собственная детская приемная, и свой детский кабинет, и будуар, как у взрослой дамы. Шкапы ломились под тяжестью игрушек и книг, которыми буквально заваливал отец Вавочку.

Хорошенький кабриолет летом и санки зимою, запряженные прелестным гнедым пони Красавчиком, вместе с кучером англичанином были всегда к услугам Вавочки. По четвергам у нее были свои приемные часы, когда девочка принимала своих маленьких гостей, таких же малюток-девчуток и мальчиков из лучших домов города. Словом, маленькая принцесса Вавочка и жила, как подобает жить принцессе. И вдруг все разом грубо рухнуло. Разбилось счастье Вавочки, разбилась ее жизнь.

Этой весной она только что окончила курс ученья в одном из лучших столичных пансионов, и счастье, розовое, смеющееся, как красивый свежий ребенок, все горячее и горячее ласкавшее свою любимицу Вавочку, — это счастье разом померкло, закатилось, как солнце, в один печальный день.

Проведя лето за границей, Рыдловы-Заречные вернулись в Петербург, и Павел Дмитриевич уже заранее ликовал дать возможность полюбоваться изысканному петербургскому обществу, на свою хорошенькую, изящную Вавочку, как неожиданно простудился на охоте, схватил тиф и через неделю умер, не успев ничего сделать для Вавочки и оставив ее совсем бедной, даже нищей сиротой...

В этом последнем обстоятельстве Павел Дмитриевич был неповинен.

Сильный, здоровый и крепкий сорокалетний мужчина, он менее чем кто-либо другой мог помышлять о смерти. Вот почему он мало заботился о будущем, говоря постоянно и себе самому, и окружающим его друзьям:

— Вавочка моя сиротка — ее мать умерла так рано, и девочка никогда не знала ласки матери, вот отчего мне хочется как можно больше побаловать Вавочку, чтобы моя девочка не имела отказа ни в чем, чтобы с восторгом вспоминала всегда свое розовое детство и не грустила о том, что лишена материнской ласки. А накопить денег моей Вавочке я успею всегда... Я еще молод. Слава Богу, проживу долго.

Но он не прожил долго и оставил Вавочку круглой сиротой.

Об этом сиротстве, об этой неожиданной, немислимой, как казалось, смерти и думала теперь в розовой, уже достаточно разоренной артельщиками комнатке, бледная, изящная девушка в черном

платье.

Глава II.

Разоренное гнездышко.

— Пора, барышня...

— Что?

Вавочка вздрогнула худенькими плечиками и точно проснулась. На длинных темных ресницах дрожали слезинки, светлые и прозрачные, как роса.

— Уже время ехать, барышня.

Вавочка пришла в себя. Перед ней стояла Даша, молодая, веселая Даша, одна из всей прислуги оставшаяся в доме Рыдловых-Заречных с целью помочь своей барышне распродать всю их богатую обстановку.

После смерти Павла Дмитриевича не осталось ничего, и чтобы иметь возможность похоронить отца, Вавочка решила обратить в деньги все, что имела.

Родных у Вавочки не было, то есть были, вернее, где-то далеко-далеко, и их не знала Вавочка. Они жили только вдвоем с отцом, один для другого, окруженные несчетным числом знакомых. Эти-то знакомые и помогли Вавочке, одолжив ей сумму на похороны отца, и, чтобы расплатиться с ними, молодая девушка должна была обратиться в деньги всю свою роскошную обстановку.

— Барышня, артельщики будуар выносить хотят, — еще раз напомнила Даша, — да и ехать время, двенадцать уже скоро.

— Артельщики... хорошо... ехать надо, вы говорите? — беззвучно роняла Вавочка и, стремительно быстро, схватив шляпу со стола, начала ее прикреплять к голове дрожащими пальцами.

Вошли артельщики. Четыре рослых мужика с громко стучащими сапогами с бесстрастными лицами и шумно приступили к работе.

Даша безмолвно одевала Вавочку. Застегивала на ней пальто, прикрепляла длинный траурный вуаль, зловеще развевавшийся позади черной же траурной шляпы и тихо, тихо говорила ей:

— Никто, как Бог, барышня. Господь дал — Господь и взял. Во всем Его святая воля. Надо терпеть, барышня.

И Вавочка терпела. Ни одним звуком не выдала она того мучительного состояния, которое сковало бесконечно тяжелыми путами ей сердце и мысли. Вавочка страдала невыносимо. Затуманенным взором окинула она в последний раз огромные, теперь пустые и неудобные комнаты, где так светло и радостно протекла ее коротенькая счастливая жизнь, и вышла на подъезд.

Даша несла ее чемодан. Артельщик — корзину.

Позвали двух извозчиков. На одного взгромоздили вещи, на другого сели Вавочка и Даша. Последняя ни за что не пожелала оставить свою молодую госпожу и решила проводить ее на поезд.

Глава III.

Непонятая.

Вокзальная суматоха, звонки и крики носильщиков, неизбежная суета — все это точно пробегало мимо глаз Вавочки. Она не видела и не слышала ничего. Ее сознание точно притупилось, застыло. Даша с нескрываемым сожалением смотрела в убитое личико своей барышни.

Еще недавно это хорошенькое личико самодовольно, весело и гордо поглядывало на окружающих. Эти прежде надменно, теперь скорбно сжатые губки, еще так недавно властно приказывали и делали выговор ей, Даше, часто незаслуженный, а теперь...

Вавочка пришла в себя. Перед ней стояла Даша... (к стр.181)

— Бедная! Бедная моя барышня, — мысленно сокрушалась добрая девушка и смахивала непрошенные слезинки тайком.

И еще думала кой о чем преданная Даша.

— Уезжает моя барышня, — вихрем проносила мысль в ее голове, — и никто, никто из недавних приятельниц и знакомых не приехал проводить ее. А бывало при Павле Дмитриевиче дым коромыслом поднимался при приемах гостей. Нет, видно, не людей ищут люди, а богатства, да вкусных обедов, да веселых приемов.

Но Даша ошибалась на этот счет.

Доброго, гостеприимного Павла Дмитриевича Рыдлова-Заречного уважали и любили. К нему ехали охотно, дорожили ласкою и дружбой этого прямого, добродушного и простого человека, одинаково относившегося к богачам и к беднякам.

Но Вавочка была несколько иная.

Она держала себя вызывающе, гордо и свысока со всеми, кто был ниже ее по положению и богатству.

Ей казалось всегда, что она умнее и лучше всех остальных. Она точно кичилась своими богатствами, своим положением перед сверстницами. Поэтому никто не любил Вавочку, и если ездили к ней и не сторонились ее, то только для того, чтобы сделать приятное ее отцу.

Дрогнул последний звонок на дебаркадере. Вместе с ним дрогнули Вавочка и Даша.

— Прощайте, барышня, дай вам Господь на новом месте устро-

Вавочка пришла въ себя. Передь ней стояла Даша...

(Къ стр. 181).

иться получше, — произнесла горничная, вскакивая на ступеньку вагона, чтобы быть в последнюю минуту поближе к своей госпоже.

— Прощайте, Даша, — проронили чуть слышно губы Вавочки.

— Не поминайте лихом, барышня... Простите, ради Христа, когда в чем провинна была перед вами. — И неожиданно целый поток слез хлынул из глаз Даши.

Вавочка медленно и удивленно подняла на девушку свои красивые серые глаза.

О чем она плачет, Даша? Почему ей тяжело расставаться со мною? Может быть, ей жаль терять хорошее место в большом и богатом доме? — соображала Вавочка и, чтобы утешить девушку, произнесла тихо:

— Успокойтесь, Даша, я же вас рекомендовала на место к князю Вуловину. И аттестат вам дала отличный. Без хлеба не останетесь, вам нечего грустить.

Даша вспыхнула. Румянец залил все ее доброе, заплаканное лицо.

— Барышня! Барышня! — всхлинула она. — Да разве я об этом тоскую? Вас мне жалко, сиротинка вы моя болезная! Бедняжечка моя!

И она с плачем схватила руку своей барышни и начала целовать ее поверх черной лайковой перчатки. Что-то острое кольнуло в сердце Вавочку. Что-то теплой волной прихлынуло к горлу и защемило его. Ей вдруг на одну минуту до боли стало жаль оставлять Дашу, как единственного верного и преданного ей теперь человека. Захотелось уронить на грудь Даши свою изящную кудрявую головку и плакать, плакать без конца. Но тут же услужливая мысль подсказала Вавочке, какая огромная бездна лежит между нею, Варварой Павловной Рыдловой-Заречной, и мещанкой горничной, и она только сдержанно произнесла:

— И я вам желаю хорошо устроиться, Даша, прощайте!

Кивнула головкой и прошла в вагон.

Поезд тронулся. В окне замелькало красное от слез лицо Даши, махавшей платком. Она кивала головою Вавочке, плакала и что-то кричала.

Но Вавочка уже не видела и не слышала ее. Вавочка опустилась измученная и апатичная на диван вагона и стала думать, думать без конца...

Глава IV.

В неведомую глушь.

Третьи сутки едет Вавочка.

Она выходила в Москве, в Туле, в Самаре... Пересаживалась на другие поезда. Обедала на больших остановках, пила чай на маленьких, покупала и проглядывала газеты, но все это делала машинально, почти бессознательно, как автомат... Огромное давящее чувство безысходного, мучительного горя камнем лежало у нее на сердце. И во сне и наяву стоял перед ней покойный отец, единственный человек в мире, которого любила Вавочка.

Под шум колес она забывалась на минуту, чтобы в следующую проснуться снова и думать, думать без конца.

А в окне между тем картина сменялась картиной. Потянулись степи, могучие привольные башкирские степи, вольные, спокойные, далеко убегающие в даль... Небо голубело, не глядя на придвигающуюся осень. Дозревшая, сжатая рожь, еще не убранная, кое-где в снопах, золотилась на солнце, как золотые волосы сказочной Сандрильоны. Кое-где белыми пятнами метались горленки и чайки по синему воздушному полю неба... Где-то далеко синела темная полуса гигантской реки. Это Волга, красавица Волга, воспеваемая русскими поэтами, синела там у Самарского плеса. Но от полотна дороги она была почти не видима совсем.

Ближе казались горы... Меловые Жигули, которые дальше к югу после Стенькина Кургана вырастают в могучих гигантов, здесь они еще молоды и не так высоки.

А поезд бежит, мчится вихрем все дальше и дальше.

Ночь сменилась утром. На заре пролетели Самарскую и теперь выехали в Уфимскую губернию. Природа оставалась та же... Только степи и холмы, холмы и степи. Изредка березняковые рощи, жидкие лиственные леса, да горы повыше, поросшие зеленью, еще не успевшей пожелтеть в начале осени, блеклой и скучной.

Вавочка спала, подложив под голову «думку», ту маленькую атласную подушечку в сквозной кружевной наволочке, с которой не расставалась с детства.

Сладкие сны вились вокруг ее пепельной головки... Ей чудилось в ярких грезах недавнее былое.

Ей снился вечер. Первый вечер-бал, данный в честь ее выпуска из пансиона, отцом. Первый бал. Думала ли она, что он будет и последним.

Чудный весенний вечер благоухающего мая... Окна раскрыты настежь.

По проспекту, на который выходит занимаемый ими особняк, едут экипажи, автомобили, катят велосипеды. Все спешат на «стрел-

ку», смотреть с Елагина Острова на закат солнца...

И она, Вавочка ездит туда с отцом каждый вечер в своем нарядном, как игрушка, шарабане. Это так модно и красиво! Но сегодня она дома. Сегодня она, Вавочка, нарядная и пышная, как маленькая голубая фея, встречает гостей на пороге их роскошной гостиной под руку с отцом.

Веселое девичье щебетанье, смех, говор, шутки, остроты... О, как весело это, как хорошо! А в окна вливается аромат молодой расцветающей липы и дивный майский вечер, благоухающий и юный, как мечта.

Смолкли шутки и смех... Заиграла музыка... Легко и плавно, воздушно и красиво несется она, Вавочка, в медленном темпе вальса... Ах, как хорошо...

Боже, как хорошо! Как хороша весна, воздух, синее небо, молодость!

Как хорошо носиться так по паркету и сознавать, что все любуются тобою, завидуют тебе!

Пепельная головка Вавочки кружится от тщеславной гордости.

Но что это?

Где музыка? Где радость? Счастье юности и цветы?

— Станция Давлеканово, — слышит она над ухом чей-то грубый голос и, вздрагивая, открывает глаза.

Перед Вавочкой стоит кондуктор.

— Приехали, барышня. Ведь вам в Давлеканово надо?

— Да... да... Ах... Вещи мои, пожалуйста, а вот и квитанция от багажа, — роняет она, протирая глаза и поправляя съехавшую на сторону шляпу.

— Да вы не извольте беспокоиться. Поезд здесь стоит полчаса. Все успеем сделать, — успокаивающим голосом говорит кондуктор и идет хлопотать в багажное отделение насчет вещей.

Вавочка выходит из вагона. Целый поток приветливых лучей заливает ее с нежной лаской. Солнце греет вовсю, несмотря на осень. Мальчики башкиры в засаленных пестрых тюбетейках¹ бегают по платформе с бутылками белого шипучего кумыса и предлагают его пассажирам. Крестьянки с корзинками, наполненными грибами, снуют тут же.

Растерянно смотрит на незнакомую ей обстановку Вавочка и пугливо жмется к стороне. Она никогда не была так близко к простому народу. Она буквально боится его. Почти с радостью кидается она навстречу кондуктору, успевшему достать ее вещи. За ним два мальчика башкира тащат ее корзину и чемодан.

— Все готово, барышня, можно садиться, — говорит он и предупредительно ведет ее через пассажирскую станционную комнату, где грязно и душно, на плохенький деревянный перрон.

Здесь еще более грязно. Улицы и площадь станционного поселка, где есть даже кумысная лечебница, но нет тротуаров, просто представляют собою какое-то месиво грязи. У самого крыльца стоит телега. На телеге сидит мужик и смотрит на появившуюся Вавочку сонными глазами.

— Вы из Александровки? — спрашивает Вавочка и почти с ужасом косится на телегу.

— Оттелева мы, — апатично роняет мужик.

— Тогда отвезите туда мои вещи, — говорит она, — я учительница. Еду служить в Александровку... Только вещи отвезите — я доеду следом за вами.

— На чем поедешь-то? — недоумевающе хлопает глазами мужик.

— Как на чем?.. — изумляется Вавочка, брезгливо поморщившись от этого обращения с нею на "ты", — да разве тут нет коляски или... или...

Она неожиданно замолкает.

Мальчишки-башкирята, очевидно, прекрасно понимающие порусски, фыркают от смеха. Смеется и апатичный мужик.

— Ишь ты, коляску ей надо... Што выдумала-то... Нету здесь ничаво, окромя телег, — заключает он добродушно, уставившись своими сонными глазами в лицо Вавочки.

— Уж извините, барышня, серость здесь одна, — предупредительно поясняет кондуктор, сразу проникнувшийся уважением к изящной барышне, давшей ему целый рубль на чай. — Уж придется вам на телеге ехать...

— Эй, ты, малайка, — неожиданно прикрикивает он на маленьких башкирят, — клади корзину на телегу, а чемодан сзади наладь. Вот так. Садитесь, барышня, на корзиночку-с, все-таки не так трясти будет.

И он помог взгромоздиться на телегу Вавочке. Потом пожелал ей счастливого пути и степенно скрылся в помещении станции.

Мужик хлестнул лошадь, башкирята, успевшие разодраться от брошенного им Вавочкой двугривенного, закричали ей что-то вслед, и телега, громыхая, потащилась по густой, глубокой грязи вдоль улицы слободы.

Глава V.

Дорожные впечатления.